

# ПРИНЦИП «МИНИМИЗАЦИИ ЗЛА» И ЕГО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В НЕСОВЕРШЕННОМ МИРЕ

*Костенич В.А.*

В свое время Кант сформулировал так называемые «антиномии чистого разума» с целью обосновать априорную предпосылочность герменевтических горизонтов человеческого знания о бытии. Он показал, что наше мировосприятие всегда нагружено некими гносеологическими альтернативами, каждая из которых мировоззренчески равновелика своему смысловому визави. Познающему субъекту приходится выбирать между равновозможными и внешне равномошными аксиоматиками представлений о мире и стратегиями нашего присутствия в нем.

Для начала человек должен отрефлексировать само наличие данных противоположностей Разума, рационализировать факт их иррационального дрейфа в поле его гносеологических предпочтений. Затем следует решиться избрать од-

ну из версий постижения сущего и тем самым совершить акт когнитивного самоопределения в системе своих ценностных ориентаций. С этого момента бытие постулируется в качестве чего-то (потенциально) простого или сложного, конечного или бесконечного, завязшего в путях эстафетных закономерностей или трансцендирующего в ноуменальную сферу свободы.

Правда, Кант при этом оставляет за кадром экзистенциальные последствия подобного выбора «образа мира», полагая, что данная задача является уже прерогативой «практического Разума». Здесь то и выясняется, что осуществление любой «философии жизни» *предполагает фундаментальную неопределенность природы «Истинного бытия»*, и, следовательно, ставит человека перед лицом поиска своего личного «кодекса» совмещения Блага и благополучия.

Выдвигая на авансцену этических дискуссий о принципах «безусловно Должного» свой «категорический императив», Кант инициирует человека руководствоваться парадоксальным намерением *«поступать уникально... общезначимо»* (!?). Иначе говоря, предлагается не столько верифицированный «алгоритм должного поведения», сколько *верифицируется сама «должная интенция» подлинного бытия.*

В контексте кантовских акцентов нельзя, например, сказать «ЧТО» должен делать человек в той или иной ситуации нравственного самоопределения. И нельзя вменить ему в обязанность «продублировать» чей-то «достойный поступок» еще раз! Наконец, нельзя даже «теоретически прогнозировать» наш «возможно должный» поступок в мысленно проигрываемой нашим Разумом драматургии событий бытия. Но (!) *необходимо быть непрерывно готовым к Творчеству своей индивидуальной повести «ответственного существования».* Что понимается в таком случае под ответственным существованием и каковы мировоззренческие экспликации заявленных «деонтологических табу»?

Сошлемся на следующие сюжеты и наши комментарии к ним. Допустим, что, сообщая некоей аудитории о сбывшихся в истории человеческой культуры (ф)актах «героического» поведения тех или иных персонажей, мы ... «натываемся» на сакраментальный вопрос о нашем собственном поведении в только что репрезентированной «истории». *Имеем ли мы «моральное» право и рациональную возможность «отвечать теоретически» на этот «практический вопрос»? И можно ли будет наш «ответ» признать таковым безусловно и безоговорочно? Какова культурно-историческая «субстанция ответов» в духовно-нравственной области практического Разума?*

Добавим смятений к уже сформулированным вопрошаниям. На Филиппинах ежегодно ряд добровольцев устраивают шоу публичного распятия «по образу и подобию» христианской Голгофы. В соответствии с библейским преданием, их прибивают гвоздями к крестам и, истекая не бутафорской кровью, они какое-то время «претерпевают Иисусовы муки». Спрашивается: можно ли рассматривать этих «подвижников веры» в качестве «исторических клонов» Христа? Являются ли их страдания аутентичной редупликацией «Его Страдания»? Или же

это – трагифарсовая имитация и кощунственная банализация сакрального? Разумеется, имеет место последнее. Подвижничество духа, искреннюю жертву, мужество милосердия «со смертельным Исходом» превращают в дешевый спектакль аплодисментов толпы. Не понимают того, что поступок Иисуса не разыгрывался Им в «назидание потомкам», а свершался *как единственно возможный o(m)клик* на трагедию несовершенства сотворенного бытия.

Таким образом, можно высказать предположение, что «*общезначимое*» в мире моральных артефактов складывается из неповторимых «личностных свидетельств» ответственно понятого существования. Ни одно из них не является «абсолютным ОБРАЗЦОМ должного поведения», но выступает «ПРИМЕРОМ возможно должного поступка». Они ориентируют не в режиме ригористического понукания, а в качестве *эскиза наших духовных возможностей*. Возможностей, оказавшихся посильными (до нас) Другим («не героям») повседневности. В таком случае, «нашим Ответом» на драмы и коллизии бытия должно быть не повторение чьих-то «эпохальных добродетелей» и не схоластическое теоретизирование по поводу нашего поведения в «пограничных ситуациях Других», а готовность и решимость принимать под личную ответственность этическую метафизику бытия (как на «личном фронте», так и в целом). Именно «ответственность» и есть «*априорная предыстория нашего «должного» Ответа*» на возможные вызовы бытия.

Но в этом пункте нас и подстерегает основная проблема. Дело в том, что в мире сущего человеку нередко приходится выбирать не между «хорошим и лучшим», а в режиме избрания «наименьшего зла». Пусть и наименьшего, но все-таки зла (например, в ситуации согласия или несогласия на эвтаназию). Перед человеком квазикантовская антиномия, но теперь «ответственный» выбор любой из альтернатив влечет за собой порождение морально «не должного» и, как следствие, неизбежные угрызения совести. Бытие «вынужденным злодеем» трагично и преследует человека непрерывным раскаянием. Наша моральная конституция пожизненно омрачена. *Отныне мы не можем позволить себе «алиби оправдания» за случившееся зло, поскольку оно неотменимо.* На нас «Каинова печать» не столько нечаянно провинившихся, сколько *виноватых!*

Однако и это еще не все! *А можно ли быть «без вины виноватым»?!* Не в контексте метафорических иносказаний, а в «морально парадигматическом» смысле? Как представляется, не просто «(воз)можно», но все время «приходится», ибо человек непрерывно «допускает к бытию» некое «специфическое зло». Причем, даже там и тогда, где и когда сами намеки на подобные последствия наших поступков кажутся фантомами Разума.

Из чего же проистекает наша «тотальная виновность»? Каковы экзистенциальные основания подобного умозаключения? И что представляет собой то «Зло», невольно-вольными соучастниками которого мы все оказываемся?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо опять вернуться к кантовской гипотезе о наличии в человеческом Разуме «предпосылочных обра-

зов мира». По Канту, они провоцируют определенные оптики восприятия бытия и соответствующие им жизнедействия. По его мнению, необходимо добиваться смысловой прозрачности исходных мировоззренческих аксиом. Человек должен найти в себе «мужество и мудрость» эксплицировать данные «предрассудки Разума» и осуществить их ценностную селекцию. Помня все время о том, что они изначально антиномичны.

Но, на наш взгляд, он упускает из виду еще одну основополагающую антиномию. Правда, расположена она «на границах» чистого и практического Разумов. Речь идет о том, *является ли наш мир «совершенным или несовершенным»?* Если он совершенен, пусть и в латентной форме, тогда прав Блаженный Августин, считавший что «зла в субстанциональном смысле слова» не существует. В таком случае и борьба со злом средствами нравственности, морали, права – есть борьба «иллюзорная», есть столкновение с нашими собственными «призраками», есть свидетельство относительности любых долженствований.

Совсем по-другому выглядит бытие в перспективе его изначального несовершенства. Как выразился один современный поэт: «На свете нет добра и зла! / Но это – зло сказало!». Тогда придется констатировать, что «зло» представляет собой один из вопиющих «уделов» несовершенного бытия, «Его ИНОЕ»«. Более того, *несовершенство оказывается «субстратом» любого зла, а само зло – «модальностью» всякого несовершенства.* Отсюда вывод: соучаствуя в творчестве бытия и будучи несовершенным по своей природе, человек ВСЕГДА рискует «умножать несовершенство» сущего, расширенно воспроизводить его своими культурно-историческими объективациями.

Итак, мир, возможно, несовершенен (и) «по вине» человека. Добавим от себя: «несовершенно Человека». В таком случае, *человек должен ощущать свою ответственность за это (всегда возможное) несовершенство.* Мы, следовательно, всегда «обвиняемы» своим несовершенством, виновны неискоренимо, драматически безысходно.

*Зло – исполнено несовершенства и исполняет несовершенство!* Значит, любые наши поступки совершаются перед лицом угрозы способствовать дальнейшему несовершенству бытия. Что же делать человеку небезразличному к своему нравственному облику в бытии? Наш «Ответ» ответственно ответственно: не мнить себя выбирающим между добром и злом, а *смирению стремиться «минимизировать» зло несовершенства.*

Беспокойно и чутко прислушиваться к подозрениям привередливой совести! В каждом кванте своего повседневного бытия!